

Женева 2/14 Марта/68.

Любезнѣйшій и истинный другъ Аполлонъ Николаевичъ, получилъ Ваше письмо, благодарю чрезвычайно, но нахожусь въ ужаснѣйшемъ волненіи и безпокойствѣ, потому что получилъ и другое письмо, (отъ Анны Николавны, матери жены) съ страннымъ извѣстіемъ: что Паша былъ у ней, говорилъ заносчиво, что онъ «знать не хочетъ, что я нуждаюсь, что я обязанъ его содержать и что теперь отъ Каткова много денегъ будетъ», вслѣдствіе чего объявилъ, что поѣдетъ въ Москву, лично увидится съ Катковымъ, разъяснить ему свое положеніе и спросить, на мой счетъ, денегъ. Анна Николавна *положительно* увѣдомляетъ, что онъ уже уѣхалъ въ Москву, 15 Февр<аля> нашего стиля, а съ начальствомъ своимъ поссорился, такъ что она боится, чтобъ его не выключили. ---

Можете себѣ представить теперь мое положеніе? Каково положеніе передъ Катковымъ? Я и самъ-то о своихъ дѣлахъ краснѣю и каждый разъ¹ положительно боюсь обращаться къ Каткову, потому что ужъ до послѣдняго нельзя деликатно со мной поступали и это связываетъ ужасно (на 4500[∞] повѣрили впередъ больному челоѣку, за границей, не видя еще ни строчки, а тутъ я, какъ-разъ, въ тоже время, 500[∞] еще² попросилъ!). Каково-же представить, что онъ явится къ Каткову, среди его дѣйствительно огромныхъ занятій, и начнетъ декламировать, а можетъ быть, говорить и дерзости, и ужъ разумѣется меня черня по

// л. 39

возможности! --- Наконецъ: я вчера заложилъ послѣднее свое пальто, имѣю всего тридцать франковъ, и сорокъ для отдачи *garde-malade*, 100 франковъ нужно отдать повивальной бабкѣ, 120 франковъ квартира и прислуга к 20^{му} марта, то есть черезъ 6 дней³ (экстренные цѣны за этотъ мѣсяцъ) и на 300 франковъ долгу за заложенное имущество. Ровно черезъ шесть дней у меня кончатся мои 30 франковъ, и тогда ни копѣйки и нечего заложить и весь кредитъ истощенъ. Вся моя надежда была на то, что Катковъ исполнить просьбу мою о 500[∞], вышлетъ Вамъ двести, (какъ я писалъ) а 300[∞] мнѣ сюда, и что эти 300 именно придутъ къ 20^{му} числу марта, т. е. черезъ шесть дней. Ну что-же будетъ теперь, если Паша разсердитъ его и наконецъ выведетъ изъ терпѣнія (потому что каждый челоѣкъ можетъ наконецъ потерять терпѣніе при извѣстныхъ обстоятельствахъ) и онъ отвѣтитъ мнѣ отказомъ. Ну что тогда будетъ? Вѣдь я погибъ и уже не просто, а втройне погибъ, потому что жена уже родила и больна. Между тѣмъ, получаю вчера Ваше письмо; хоть числа и не обозначено, но на пакетѣ значитъ, что принято въ почтамтѣ петербургскомъ 26 февраля. Въ письмѣ этомъ Вы ни слова не упоминаете объ этомъ приключеніи. Стало-быть можетъ-быть и неправда. И

¹ каждый разъ *вписано*.

² еще *вписано*.

³ прислуга к 20^{му} марта, то есть черезъ 6 дней *вписано*.

однако Анна Николавна уведомляет *положительно*. Если такъ, то можетъ-быть и правда, но Вы не знаете (потому что

// л. 39 об.

дѣйствительно Вамъ трудно знать, потому именно, что если ужъ онъ это сдѣлать рѣшился, то навѣрно избѣгалъ попадаться Вамъ на глаза). Сижу теперь раздавленный и измученный и не понимаю что дѣлать. Думалъ сегодня-же написать Каткову и извиниться передъ нимъ, разъяснивъ ему все обстоятельство; потому что во-1^{хъ}) такъ стыдно передъ нимъ, что хоть провалиться, а во 2^{хъ}) боюсь и за деньги, что разсердится и не пришлетъ. Съ другой стороны я письмо-то пошлю, а все это невѣрно? Рѣшаюсь лучше послать и пошлю завтра (письмо къ Каткову). Еслибъ какое-нибудь извѣстіе просвѣтило меня; но никакого ни откуда извѣстія не имѣю! Ждать-же опасно, да и тяжело. --- Во всякомъ случаѣ, *умоляю* Васъ голубчикъ: изслѣдуйте это дѣло и пришлите мнѣ немедленно свѣдѣніе; ибо я умру съ тоски. --- Если-же это невѣрно, если Паша только говорилъ, а не сдѣлалъ, т. е. если онъ въ Москву не ѣздилъ, съ Катковымъ не говорилъ и даже не писалъ ему (это почти что все равно, впрочемъ т. е. писать или видѣться лично) - то, пожалуйста не говорите Пашѣ, что это я знаю⁴ черезъ Анну Николавну. Боюсь что онъ ей очень нагрубитъ. Однимъ словомъ, *во всякомъ случаѣ*, про Анну Николавну ему ни слова. На Васъ-же смотрю какъ на провидѣніе. А Каткову все-таки письмо пошлю; нельзя. Если Паша не виноватъ, то есть у Каткова не былъ, то я такъ-вѣдь напишу, что ему лично не очень повредитъ: увлеченіе молодого человѣка, которого тамъ и не знаютъ. - Съ своей стороны скажу Вамъ, что мнѣ жаль Пашу; я его не ужасно виню: дѣйствительно молодость, совершенная невыдержанность. Это надо извинить и не поступать круто, потому что до гибели, будучи такимъ дурачкомъ, - не далеко. А я вѣдь воображалъ, что онъ за умъ взялся и понялъ, что ему уже, (безъ очень малого) 21 годъ, и что надо трудиться, если нѣтъ капитала. Я думалъ, что поступивъ на службу, онъ понялъ наконецъ что честный трудъ его обязанность, равно какъ и всякого, и что нельзя-же *упорно*, и никого не слушая, какъ-бы давъ себѣ слово - *ничего не дѣлать* и стать на томъ. - А онъ, какъ теперь я понимаю, вообразилъ, что онъ *мнѣ этимъ милость сдѣлалъ*, что сталъ служить. И кто вбилъ ему въ голову, что я *обязанъ* его содержать вѣчно, даже послѣ 21го года? Слова его Аннѣ Николавнѣ (которые ужъ конечно вѣрны): «Я знать не хочу, что онъ самъ нуждается; онъ обязанъ меня содержать», - слишкомъ значительны

// л. 40

въ извѣстномъ смыслѣ для меня: это значить, что онъ *не любитъ* меня. Конечно я первый извиняю, и знаю что значить увлеченіе и заносчивое слово, то есть знаю что слово не дѣло. Я всю жизнь помогать ему буду и желаю.⁵ Но вотъ бѣда: много ль онъ потрудился-то для себя? Три мѣсяца онъ не получалъ только от меня пенсіона; но все-таки въ эти три мѣсяца онъ получилъ отъ меня 20 руб. деньгами и 30^ю я заплатилъ за него долгу Эм<илии> Ѳедоровнѣ. И такъ въ сущности, онъ

⁴ Далее было: что

⁵ Я всю жизнь помогать ему буду и желаю. *вписано*.

только одинъ мѣсяцъ не получалъ! И тутъ стосковаться ужъ успѣлъ! Стало-быть, не способенъ-же этотъ человѣкъ для себя трудиться! Мысль не отрадная. - Ужъ конечно я изъ послѣдняго необходимого посылаю теперь и ему и Эм<илии> Оедоровнѣ. А вѣдь я увѣренъ что и у Эм<илии> Оедоровны меня бранять на чемъ свѣтъ стоитъ. И ктому-же я человѣкъ больной. Ну если работать не въ состояніи буду - что тогда?⁶

Голубчикъ, вы одинъ мое провидѣніе и истинный другъ! Ваше вчерашнее письмо воскресило меня. Никогда тяжелѣе и труднѣе не было ничего въ моей жизни. 22 февраля (нашего стиля) — жена (послѣ ужасныхъ 30 часовыхъ страданій) родила мнѣ дочь и до сихъ поръ больна, и тутъ знаете какъ нервы разстроены, надо удалять всякое непріятное извѣстіе, она-же меня такъ любить. Соня, дочь, здоровый, крупный, красивый, милый, великолѣпный ребенокъ: я положительно половину дня цѣлую ее и не могу отойти. Это хорошо; но вотъ что дурно: денегъ 30 франковъ; все до послѣдней тряпки, моей и жены, заложены. Долги настоятельные, необходимые, *немедленные*. Вся надежда на Каткова и непрерывная мысль: а что если не пришлютъ? Измучившее насъ обоихъ извѣстіе о Пашѣ; страшная и непрерывная боязнь моя, мѣшающая мнѣ ночью спать:⁷ что если Аня захвораетъ? (Сегодня 10^й день) а у меня не на что ни доктора позвать ни лекарства купить. *Еще не начатая* 3^я часть романа, которую я обязался честнымъ словомъ доставить къ 1^{му} Апрѣля *нашего стиля* въ Редакцію. Вчера ночью радикально измѣненный (въ 3^й уже разъ) весь планъ 3^й и 4^й части (а стало быть еще три дня, по крайней мѣрѣ, надо употребить на обдумываніе нового расположенія); усилившееся разстройство нервовъ и 8^е число и сила припадковъ, - однимъ словомъ вотъ мое положеніе!

При этомъ, при всемъ, до самого Вашего письма, полное отчаяніе за неспѣхъ и скверность романа, и слѣдств<енно> не упоминая объ авторской тоскѣ - убѣжденіе во всѣхъ лопнувшихъ надеждахъ, потому что на романѣ всѣ надежды. Каково-же должно было обрадовать Ваше письмо: Ну не вправѣ-ли я Васъ назвать провидѣніемъ! Вѣдь

// л. 40 об.

Вы мнѣ все равно, что покойный братъ Миша, въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ!

Итакъ Вы меня радуете извѣстіемъ объ успѣхѣ. Я совершенно ободряюсь теперь. Третью часть я къ 1^{му} Апрѣля кончу и сдамъ. Вѣдь написалъ же 11 ½ листовъ ровнешенько въ два мѣсяца! Умоляю Васъ, голубчикъ, когда прочтете финалъ 2^й части,⁹ (т. е. въ Февральской книжкѣ) - напишите мнѣ сейчасъ-же. Повѣрьте что Ваши слова для меня ключъ живой воды. Этотъ финалъ я писалъ въ вдохновеніи и онъ мнѣ стоилъ двухъ припадковъ сряду. Но я могъ преувеличить и потерять мѣру и потому жду безпристрастной критики. О, голубчикъ, не

⁶ Ну если работать не въ состояніи буду - что тогда? *вписано*.

⁷ Вместо двоеточия была запятая.

⁸ Вместо: и – была запятая.

⁹ Далее было: на

осуждайте меня за это безпокойство, какъ за тоску самолюбія. Самолюбіе конечно есть, развѣ можно быть безъ него? - Но тутъ главные мотивы мои ей Богу другіе! Слишкомъ много съ этимъ романомъ сопряжено, во всѣхъ отношеніяхъ.

Ваши письма всегда меня возбуждаютъ и *подымаютъ* во мнѣ все на нѣсколько дней сряду. Ужасно-бы хотѣлось и мнѣ съ Вами кой объ чемъ поговорить. Но этотъ разъ все пошло на семейную дребе<де>нь; до другаго письма. Вѣдь это тотъ Данилевскій, бывшій фурьеристъ, по нашему дѣлу? Да, это сильная голова. Но въ журналѣ Министерствъ! Мало они расходятся, мало читаются. Нельзя-ли оттиснуть хоть потомъ особо.

// л. 41

О, какъ бы я желалъ прочесть? --- Пишите мнѣ объ себѣ какъ можно больше. Поклонъ мой всѣмъ Вашимъ. Жена Васъ ужасно любитъ и кланяется Аннѣ Ивановнѣ. Она въ восторгѣ отъ своего произведенія, да и я тоже (т. е. отъ Сони). Что-же касается до Идіота, то такъ боюсь, такъ боюсь - что и представить не можете. Какой-то даже неестественный страхъ; никогда такъ не бывало. --- Какіе я Вамъ тоскливыя и ничтожныя письма пишу! Обнимаю

Васъ крѣпко,

Вашъ весь

Федоръ Достоевскій

Во всякомъ случаѣ буду писать чаще теперь.

Аня заплакала даже, прочтя въ Вашемъ письмѣ объ успѣхѣ Идіота. Она говоритъ, что гордится мною.

// л. 41 об.